

ДВА СТОЛЕТИЯ

На 2010 год приходится столетие со дня рождения двух известных сибирских поэтов — Василия Пухначева и Александра Смердова. Впрочем, объединяет их не только время рождения и поэтическая муза. Судьба обоих была неразрывно связана с Сибирью, ставшей им матерью, колыбелью, предметом непреходящей любви и гордости, а также магистральной темой творчества. И каждый из них, в свою очередь, очень много сделал для развития и сохранения сибирской литературы и культуры, навсегда оставшись там стихами, поэмами, песнями, фольклорными изысканиями, страстной публицистикой и плодотворной творческой работой в сфере духовного строительства. Роднило поэтов-ровесников и то, что их общим творческим домом на всю жизнь стали «Сибирские огни», где у одного (В. Пухначева) прошли «обкатку» большинство произведений, а другой (А. Смердов), помимо того, еще и долгое время находился у штурвала журнала. Вместе с тем, это были, конечно, разные творческие личности, оставившие на литературно-культурном небосклоне Сибири каждый свой не пропадающий след.

ПРО СИБИРЬ МОЮ...

Про Сибирь мою
Я везде пою.
Про сибирский край
Вся земля узнай.
В. Пухначев

Этим и занимался всю свою творческую жизнь Василий Михайлович Пухначев. Он принадлежал к числу тех самозабвенных «певцов Сибири» двадцатого столетия (И. Ерошин, И. Мухачёв, К. Лисовский, А. Смердов...), усилиями которых ее поэтический образ сформировался, отложился в памяти народной и стал национальным культурным достоянием. Но иного пути у Пухначева, с корнями и истоками уходящими глубоко в сибирскую землю, наверное, просто и быть не могло.

Род Пухначевых появился в Сибири с волной переселенцев из Орловской губернии в конце XIX века. Дед Василия Михайловича по отцовской линии Кузьма Филиппович осел в старинном кержацком селе Волчно-Бурлинское, что в Кулундинской степи. Примерно тогда же в соседнюю Крутиху приехала из Черниговщины семья Фомы Петровича Побожия — деда по материнской линии. Это были дружные работающие семьи землепашцев, владевшие разными ремеслами. От их корней в следующих поколениях выросли добрые работники разных профессий.

Старший сын Кузьмы Филипповича Пухначева Михаил окончил Томскую учительскую семинарию, работал сельским учителем, заведовал школой. Он женился на дочери Фомы Петровича Побожия Марии и 1 января 1910 года в селе Волчно-Бурлинское Крутихинского района Алтайского края у них родился сын Василий.

Детство Василия Пухначева безоблачным не назовешь. Особенно если учесть, что пришлось оно на революционные и годы Гражданской войны. Отец Василия участвовал в партизанском движении. Однажды его предупредили о готовящемся налете белочехов, и он спрятал семью вместе с семилетним Василием и его годовалой сестрой на дальней заимке, где они почти месяц спасались от карателей.

Сын учителя, Василий Пухначев и сам на первых порах шел по стопам отца. В шестнадцать лет он окончил школу второй ступени с педагогическим уклоном в г. Камень-на-Оби и вместе с другими ее выпускниками решил учительствовать в селах Сибирского края. Сначала заведовал школами в алтайских деревнях и коммуне «Стенька Разин», а в 1929 году получил назначение инспектором политпросвета Каменского окрону. Шла первая советская пятилетка, начиналось колхозное строительство. И восемнадцатилетний комсомолец Василий Пухначев стал еще и уполномоченным по коллективизации, которую — так уж совпало — проводить ему выпало в родном Волчно-Бурлинском.

В 1930 году Пухначев был назначен заведующим Кочковским районо (нынешняя Новосибирская область). Ему сразу же пришлось столкнуться с проблемой острой нехватки учительских кадров. Тогда он вспомнил свой школьный выпуск и решил по его примеру обратиться к выпускникам школы второй ступени Камня-на-Оби с призывом поехать всем классом в Кочковский район. Молодежь с энтузиазмом откликнулась, и тридцать юношей и девушек вскоре прибыли в Кочковский район.

Ну, а Пухначев в ноябре 1931 года отправится отсюда на Дальний Восток, в Особую Краснознаменную Дальневосточную армию, которой командовал тогда прославленный и еще не репрессированный командарм Василий Блюхер. Год Пухначев прослужит в учебной роте 5 Амурского стрелкового полка, примет участие в боевом походе по льду и сопкам Амура от Благовещенска до Николаевска-на-Амуре. В это время он не только постигает армейскую науку, но и ликвидацией неграмотности среди красноармейцев занимается, а также выпускает полковую газету, с которой, собственно, и начался его путь как пишущего человека.

В августе 1932 года Пухначеву было присвоено звание «командира запаса РККА», а через месяц он уже в Новосибирске. Здесь начался новый этап его жизни, связанный на сей раз с искусством:

Василия Михайловича избрали заместителем председателя крайкома Союза работников искусств, а вскоре — еще и председателем краевой Военно-шефской комиссии. Возглавляемая Пухначевым, она привлекала широкий круг работников искусств к работе с воинскими частями Сибирского военного округа, организовывала выезды артистических бригад в погранотряды. Проводились смотры красноармейской художественной самодеятельности, многочисленные шефские спектакли и концерты. Работа в профсоюзе, общение с людьми искусства (а оно в Новосибирске того времени, особенно театральное, было на подъеме) послужили Пухначеву хорошей школой.

В предвоенные годы Василий Михайлович руководил целым рядом учреждений культуры, пока в конце 1939 года его не пригласили на службу в политуправление СибВО. Как раз в это время приказом наркома обороны К.Е. Ворошилова организовывались окружные ансамбли красноармейской песни и пляски. Начальником ансамбля СибВО назначили Пухначева, а художественным руководителем — композитора А.П. Новикова. Этому творческому тандему была уготована долгая плодотворная жизнь.

Получив в свои руки профессиональный хоровой коллектив, его руководители начали создавать репертуар. На слова Пухначева Новиков написал хоровую сюиту для солистов, хора и оркестра в трех частях. С нею ансамбль дебютировал 22 февраля 1940 года, выступив для делегатов окружной партийной конференции. А затем сюита исполнялась в концертах более ста раз. По сути, это были первые песни о Сибири советской и первый опыт Пухначева как поэта-песенника.

Едва началась Великая Отечественная война, Пухначев с Новиковым написали «Песню сибирских полков» и еще одну — «Нас не запугать», в которых нашел свое отражение великий патриотический порыв народа, поднимавшегося на борьбу с врагом. С этими песнями ансамбль СибВО провожал уходившие на фронт части 24-й армии. А в ноябре 1941 года в район Онежского озера, где разворачивал боевые действия 2-й Прибалтийский фронт, вместе с Пухначевым убыл и сам ансамбль.

Позже Пухначев был направлен в политуправление 2-го Прибалтийского фронта, где прослужил до конца войны, удостоившись нескольких боевых наград, в числе которых был и орден Красной Звезды. Но и на фронте Василий Михайлович не оставлял творческую работу. Принял, в частности, участие в конкурсе на создание песни о героической 1-й ударной армии фронта и выиграл его.

Закончилась война. Эшелоны с победителями потянулись в разные уголки страны. Комиссаром эшелона с демобилизованными, идущими в Сибирь, был назначен Пухначев. То был незабываемый, триумфальный путь! На каждой станции толпы встречающих, всеобщее ликование, объятия, слезы радости, песни под гармонь... У поэта Пухначева все это вызывало столь же сильный эмоциональный подъем и творческий прилив. И сами собой складывались слова песни:

Едут солдаты с победой домой,
Армии Красной герои,
Поезд подходит; в простор голубой
Песня летит над рекою.
 Встречайте девчата,
 Встречайте, ребята,
 Родные, встречайте,
 Встречайте, друзья!
 Встречай, дорогая, —
 Из дальнего края,
 Вернулись с победой
 Солдаты домой!

Сразу по приезде в Новосибирск Пухначев передал стихи песни «Встречай, дорогая!» А.П. Новикову, композитор за ночь написал музыку, и уже на следующее утро ансамбль СибВО разучивал ее. Полвека песня эта была в репертуаре коллектива.

Демобилизовавшись после войны из армии, Пухначев некоторое время работал начальником Новосибирского управления культуры, а с 1947 года полностью перешел на творческую работу.

Свою литературную деятельность Пухначев начал с песни и именно в песенно-поэтическом творчестве получил наибольшие известность и признание. Сложить песенный текст, чтобы он гармонично потом лег на музыку и остался в памяти слушателей, задача очень трудная. Редкому стихотворцу это в полной мере удается. Пухначеву удавалось, казалось бы, без особого труда. Сказывалась, конечно, его особая в этом направлении одаренность. Но была и своего рода изначальная предопределенность, исключавшая случайность его обращения к песенному творчеству.

Пухначев родился и вырос в местах, где жили переселенцы из Украины, Тамбовщины, Воронежа, других российских уголков. Память о родных местах они лелеяли в песнях. Сибирские мотивы мешались с тамбовскими припевками, украинскими мелодиями. Любовь к народной песне подогревало и родственное окружение Василия Михайловича. Так, семейство деда Побожия отличалось большой музыкальностью. Могучим басом-профундо обладал сам Фома Петрович, хорошо пела его дочь, имели прекрасный слух, владели струнными инструментами сыновья. Летними вечерами они часто устраивали возле своего дома семейные концерты.

Но к чуду народной песни, ставшей впоследствии основой всей его поэтической работы, Пухначев в начальной поре своей жизни прикоснулся, прежде всего, благодаря своей матери. В книге «Мне довелось...» он вспоминает:

«...В небольшой учительской квартире при школе долгими зимними вечерами мама, Мария Фоминична, и жена дяди, Татьяна Федоровна, пели за каким-нибудь рукоделием старинные сибирские песни, а я, мальчонка, слушал и слушал их и с той поры породнился на всю жизнь с песнями моего народа».

Он и сам потом запишет немало народных песен от сибирских сказителей, но услышанные от матери останутся поистине краеугольным камнем его творчества.

Пухначев обладал глубинным, можно сказать, нутряным ощущением народной песни, позволявшим ему даже по какому-то отдельному фрагменту воссоздавать ее цельный облик. Красноречивой иллюстрацией может служить такой пример.

В 1950-х годах сибирские композиторы организовали экспедицию по сбору песенного фольклора в Нарыме. В одном из сел две старушки напели им чудесную по мелодии песню, но из слов помнили только три начальных фразы. Вернувшись в Новосибирск, композиторы А.П. Новиков и В.С. Левашов попросили Пухначева продолжить, дописать песню. Василий Михайлович прекрасно справился с задачей, и песня вошла в репертуар Сибирского народного хора.

Но вот что для Пухначева-песенника примечательно. Имея народно-фольклорные корни и истоки, тексты его песен наполнены, как правило, социально значимым, актуальным, а то и просто острозлободневным для своего времени содержанием. В этом плане, по справедливому замечанию А.В. Никулькова, он «несомненно, продолжает ту линию в советской поэзии, которая идет от Д. Бедного, А. Жарова, В. Лебедева-Кумача. Линия популярная, неумирающая, потому что она всегда отражала и отражает какие-то важные стороны общего духа эпохи».

Поэтому и песни Пухначева в большинстве своем были оперативно «остановленными мгновениями» истории советского общества, а с другой стороны — конкретным творческим результатом определенного «социального заказа». Но вряд ли при этом можно было говорить о какой-то конъюнктуре. Пухначев всегда жил в ногу со своим временем, чувствовал его потребности и как органичный продукт эпохи искренне, честно, с большим эмоциональным накалом пытался время это выразить. История создания целого ряда пухначевских песен тому убедительное подтверждение.

Отгремела война. Жизнь потребовала новых песен — «песен труда и любви». И они («Шел солдат», «Там, где в поле рожь цвела», «Над полями зорька светлая» и др.) Пухначевым в сотрудничестве теперь уже с композитором Валентином Левашовым были созданы. Нашлись и прекрасные исполнители в лице солистов Новосибирского театра оперы и балета Юрия Притулы и Ивана Круглова. Дуэт получил широкое признание, стал лауреатом Всесоюзного конкурса вокалистов, а певцы стали Заслуженными артистами РСФСР.

Восстанавливая разрушенное, страна в послевоенные пятилетки разворачивала масштабное строительство, на переднем крае которого была Сибирь. На ее реках начиналось могучее гидростроительство. Его первенцем стало сооружение Новосибирской ГЭС. Всегда обостренно чуткий к социально-экономическим преобразованиям, Пухначев тем более не мог пройти мимо того, что вершилось буквально под боком, на его малой родине. В очерке «Как пишутся песни» читаем:

«С композитором В.С. Левашовым мы плыли на теплоходе из города Камень-на-Оби в Новосибирск... Я вышел на палубу. Широко, могуче стремил течение Обь. В синем небе реяли чайки. Впереди, на горизонте, показались контуры гидростроительства, силуэты кранов и вал плотины... Я смотрел на эту новую для древней Оби быль и как-то невольно, видя развернувшуюся перед взором картину, начал импровизировать, словописать виденное:

Над широкой Обью
Бор шумит зеленый,
Над широкой Обью
Чайки день-деньской...

Стоявший рядом Левашов вслушался в слова и сказал:
— Продолжай, продолжай... Ведь это песня получается!»

Песня действительно получилась. Впервые исполненная в начале пятидесятых все теми же Ю. Притулой и И. Кругловым, она была широко подхвачена и вот уже более полувека гуляет по просторам Сибири, а для новосибирцев давно став знаковой. Не одно десятилетие ее первые такты были позывными Новосибирского радио, а фирменный поезд «Сибиряк» уходил из Новосибирска и возвращался из столицы под эту песню.

Своя документальная история еще у одной широко известной песни Пухначева. Как известно, первая половина пятидесятых годов отмечена не только гидростроительством, но и освоением целинных земель. Многие тысячи молодых людей двинулись в Сибирь и Казахстан, движимые мощным романтическим порывом. Комсомольца первых призывов и всегда юного душой Пухначева порыв этот не мог оставить равнодушным. В марте 1954 года Василий Михайлович оказывается в недавно созданном алтайском целинном совхозе «Кулундинский». На комсомольском собрании совхоза, куда был приглашен и Пухначев, его, автора «Над широкой Обью», которую здесь знали и всюю распевали, попросили написать песню о целине и целинниках. Пухначев пообещал, и слово сдержал, сложив вскоре слова новой песни. В.С. Левашов положил их на музыку, а Сибирский хор исполнил новую песню на VI Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве — именно ею открывался торжественный концерт делегации СССР в Центральном театре Советской Армии. Наутро «Правда», «Известия», Комсомолка» и другие центральные газеты в своих отчетах писали, что вот она, та «песня, по которой можно представить поднятую целину и подвиг нашей молодежи» и цитировали слова песни:

Широкие степи, целинные степи
От гор до тайги пролегли.
Увидишь — и сердцем полюбишь навеки
Раздолье сибирской земли...

С целиной связан и очень некогда популярный «Сибирский вальс». Пухначев с композитором Георгием Носовым приехали в один из целинных совхозов, костяк которого составляли несколько сотен демобилизованных солдат. Они и попросили написать «такую песню, чтобы девчата сюда поехали», а то «жениться не на ком». Заказ был принят и выполнен: у поэта с композитором родился задушевный «Сибирский вальс»:

Здесь, на далеком Алтае,
Голос мне слышится твой,
Верю, моя дорогая,
В скорую встречу с тобой!

К стихам Пухначева обращались многие известные советские композиторы. Кроме выше уже названных, это и В. Мурадели, и Т. Хренников, и И. Дзержинский, и Г. Иванов, А. Долуханян... Они охотно шли на сотрудничество с Пухначевым во многом и потому, что легко находили с ним общий творческий язык. В этой связи уместно вспомнить эпизод совместной работы Пухначева с композитором Касьяновым.

Новосибирский театр оперы и балета задумал создать оперу о героическом подвиге русского народа, пришедшего осваивать Сибирь. Написать либретто поручили Пухначеву. В 1956 году оно было закончено и получило высокую оценку. Комитет по делам искусств СССР написать музыку поручил Александру Касьянову. А вскоре Василий Михайлович получил от него темпераментное письмо: «...Признаюсь, я никогда в своей жизни не видел более либреттного либретто оперы! Здесь все поется!» Как вспоминал впоследствии Пухначев, «Во время работы над оперой «Ермак» мы сблизились с Александром Александровичем общностью взглядов на искусство и крепко подружились». Через год опера была завершена и 23 февраля 1957 года в Новосибирске состоялась ее премьера. Одновременно в Москве она была показана в концертном исполнении ансамблем Советской оперы ВТО. А в 1960 году оперу «Ермак» во время гастролей Новосибирского

театра оперы и балета на сцене Большого театра увидели и услышали столичные зрители, у которых она вызвала большой интерес. Постановка «Ермака» была осуществлена также в Горьком. А в Новосибирске при неизменном аншлаге спектакль прошел около шестидесяти раз.

Надо оговориться, что либретто оперы возникло у Пухначева не «с чистого листа», а написано было по его же одноименной поэме. Заостряю на этом внимание по той причине, что поэт-песенник Пухначев в своем творческом диапазоне был на самом деле много шире. Любопытно, что и первые его книги были вовсе не поэтическими. Дебютировал он в 1947 году с очерковой книжечкой «Лесорубы». Потом выходил еще целый ряд книг очерков, рассказов, сказок. И только в 1954 году появились первые поэтические сборники Пухначева — «Песни» (далее книги песен и стихотворений пошли у Василия Михайловича, что называется, «косяком») и «Мой знакомый» со стихами для детей.

Кстати говоря, Пухначев любил и умел писать для юной аудитории и в детской литературе также оставил достаточно заметный след. А началось все незадолго до Великой Отечественной войны, когда Василий Михайлович с художником Алексеем Лушниковым отправились в фольклорно-этнографическую экспедицию в верховья таежного обского притока Тыма, где жили ханты и селькупы. Здесь Пухначеву впервые посчастливилось повстречаться с целым рядом замечательных национальных сказителей. «Сказочная их фантазия не имела границ, — вспоминал Василий Михайлович. — В свободную от охоты и рыбного промысла пору они могли целыми днями рассказывать творимые ими сказки». Множество их было записано и в той, и в других последовавших за нею экспедициях. Работа над сказками увлекла Пухначева на долгие годы. Итогом этого большого кропотливого труда стала вышедшая в Новосибирске в 1950 году книга «Сказки старого Тыма». При жизни Пухначева она выдержала около десятка изданий и пользовалась огромной популярностью у детей и взрослых.

От приобских сказителей Пухначев почерпнул богатый материал не только для сказок. От них же услышал он и множество бывальщин. Фольклорный этот жанр увлек Пухначева не меньше сказок. Многие годы он собирал и записывал емкие мудрые и озорные народные притчи, пока, наконец, не сложилась из них целая книга (вышла в 1970 году в Барнауле). Кстати говоря, бывальщины Василий Михайлович прекрасно рассказывал сам. В этом нетрудно убедиться, прослушав выпущенную в 1970-х годах фирмой «Мелодия» пластинку-«гигант» с записью сибирских бывальщин в исполнении Пухначева.

Особо дорогими и памятными там, на берегах таежного Тыма, были для Пухначева беседы со старым охотником Николаем Соипаевым. Он рассказал Василию Михайловичу сказку о «Русском брате» — историю похода в Сибирь Ермака в фантастически сказовом переложении. Пухначев, безусловно, немало уже знал о походе Ермака из исторических источников, но эта сказка своеобразно дополняла их и впоследствии, когда он писал драматическую поэму «Ермак», помогала ее созданию.

Фольклорная стихия вообще властвует в этой большой поэме. Вернее две — русская и хантыйская, сосуществующие в органическом единстве и как бы олицетворяющие многонациональную Сибирь. Обращаясь к истории, к теме народного подвига, поэт стремится создать пронизанные идеями могущества России патриотические образы. Ну и, конечно, не случайно композитор А. Касьянов восклицал, прочитав либретто «Ермака», что «здесь все поется». Поэма действительно пронизана песенным началом. Более того, почти как в древнегреческих трагедиях на правах живого действующего лица здесь участвует хор.

Во многом в фольклорных, сказовых традициях написано и самое крупное произведение Пухначева — поэма-трилогия «Сказ о Васюганье» (1969). Да иначе, наверное, и быть не могло, поскольку сама идея его создания возникла в процессе общения Василия Михайловича с русской песенницей и сказительницей из Васюганья Пелагеей Романовной Ереминой. «Сама история рода Ереминых была былинной, суровой

и поэтичной, — пишет в книге «Мне довелось...» Пухначев. — Предок-старообрядец, храня старую веру, бежал от никонианцев в Васюганье, в скиты. А сын Пелагеи Романовны Павел Филиппович Еремин в наши дни был начальником Томского областного управления культуры. Эти сведения из истории рода Ереминых послужили сюжетной основой поэмы-трилогии «Сказ о Васюганье». Свое эпическое полотно автор посвятил Ереминой. К ней он обращается в зачине поэмы:

Расскажи, Пелагея Романовна,
Все, что сердцем хранила в памяти,
Спой, чтоб жизнь в былом встала заново
В песнях-сказках из снежной замятии.

В целом же трилогия представляет собой стилизованное под народный язык поэтическое повествование о роде старовера Еремея, что «с ермаковых времен начинается», охватывающее по времени несколько веков нашей истории. Последняя часть поэмы описывает уже «Новосибирск поры военной», Сибирь научных поисков, времени, «когда свершил полет Гагарин». Сибирь, собственно, и есть центральный герой «Сказа о Васюганье», объединяющий судьбы разных людей, населяющих поэму. Произведение характерно поэтикой крупных обобщений, свойственных народному творчеству, сказовой интонацией, вполне отвечающей заявленному названию.

«Сказ о Васюганье» был тепло встречен читателями. А несколько позже, когда Всесоюзное радио осуществило по нему радиопостановку, — и слушателями.

В 1970-е годы Пухначев создает еще одну историческую поэму — «Ильичево поле», посвященную организации в 1918 году на Алтае питерскими рабочими сельскохозяйственной коммуны «Зори Октября». Однако подобного предыдущим успеха она не имела.

Пухначев был человеком очень подвижным, темпераментным, натурой непоседливой. Слова известной песни «старость меня дома не застанет: я — в дороге, я — в пути» как раз про него. Исколесив родную страну вдоль и поперек, побывав в самых различных ее уголках, он и за рубежом был нередким гостем. В качестве полпреда сибирской культуры приезжал в ГДР, Францию, Италию, Болгарию и другие государства Европы. С другой стороны, произведения Пухначева не раз издавались за рубежом и переведены на многие языки народов Советского Союза.

В 1964 году Новосибирск посетил первый секретарь компартии ГДР Вальтер Ульбрихт. В числе подаренных ему сибирских сувениров была и пластинка с песнями Пухначева, которую Василий Михайлович лично вручил высокому гостю.

...14 октября 1982 года Новосибирск прощался с поэтом Пухначевым. Он прожил 72 года, вместившие в себя целую эпоху, отмеченную бурными социальными процессами. Ей он посвятил свои стихи и песни, ее воспел в эпических произведениях.

Творческую судьбу Пухначева можно назвать вполне счастливой. Правда, далеко не все, что он написал, равноценно (как, впрочем, и у любого другого поэта). Значительная часть его произведений несет на себе ощутимый идеологический налет. Но для убежденного коммуниста, много лет жизни отдавшего советской политработе, это объяснимо и достаточно естественно. Встречаются в произведениях Пухначева и декларативность, и определенная примитивность формы, и повторение общеизвестных мотивов, и другие недостатки.

Но ведь правильно говорят, что творчество художника надо оценивать по его вершинам, а не слабостям, которые со временем сами собой уйдут в небытие. У Василия Михайловича Пухначева такие вершины, безусловно, есть, и они еще долго будут привлекать чистым снегом своей поэзии.

БЕСПОКОЙНОЕ СЕРДЦЕ ПОЭТА

Но хочу и старость так же встретить, —
В поисках, заботах и в пути,
Дул в лицо бы молодости ветер
И огни сверкали б впереди!..
А. Смердов

Как и Василий Пухначев, Александр Смердов — дитя первых советских пятилеток. По его собственному признанию, «ощущение и сознание своей неотрывной причастности к тому великому, всеобъемлющему, общенародному устремлению в будущее, что свершалось в стране», не покидало его даже в самых, казалось бы, личных стихах той поры. Что, в общем-то, и не удивительно, ибо рождению такого мироощущения способствовала и атмосфера вокруг, и сама беспокойная жизнь молодого поэта.

Александр Иванович Смердов родился 13 сентября 1910 года в поселке Теплая Гора Пермской области, в семье рабочего-металлурга. В голодном 1920 году умер отец, а в 1921-м в надежде на лучшую жизнь семья переезжает в Сибирь и поселяется в селе Каргат нынешней Новосибирской области. Среднюю школу Смердов оканчивает в Новосибирске. После чего снова попадает... в деревню, но уже в качестве практиканта-землемера. В самый разгар коллективизации комсомолец Смердов работает в зажиточных селах Ачинского округа Красноярского края. Молодой землемер всеми силами стремится помочь созданию колхозов. Потом опять Новосибирск, строительство «Сибкомбайна» (нынешний «Сибсельмаш»). Рабочий коллектив дает юноше комсомольскую путевку на учебу в Московский плановый институт. После четырех курсов Смердов перешел на газетную работу, однако и учебу продолжал. Но теперь уже в только что открывшемся Литературном институте имени А.М. Горького, который позже окончил заочно.

Со стихами Смердов дебютировал в 1930 году в «Сибирских огнях». В творческий путь благословил его тогдашний главный редактор журнала Вивиан Азарьевич Итин.

Характерной чертой раннего Смердова стала романтика поиска, дальних дорог, жажда открытий.

Я по знакам на «белых пятнах»
Карты нашей большой земли
Вижу, сколько же мы, ребята,
За недолгую жизнь прошли!

Не наживы и славы ради —
Лишь бы славен, богат был край,
Шли мы с компасом и тетрадью
В Забайкалье и на Алтай

С мастерком, с табачком в котомке,
С картой рек и лесных дорог...
Пусть по ней подведут потомки
Нашей молодости итог.

Не случайно и первую свою поэтическую книгу Смердов назвал «Письма с дороги», а любимыми его героями долгое время были геологоразведчики, изыскатели новых трасс и стройплощадок, землепроходцы, труд которых поэт воспринимал как «повесть странствий» и «поэму походов».

Романтической устремленности молодого поэта как нельзя лучше соответствовал пафос социальных преобразований эпохи. Со временем, вполне согласуясь с внутренним темпераментом Александра Ивановича, его обостренной гражданственностью, стремлением не отстать от бурных событий текущего дня и сознанием важности роли словотворца в общественном переустройстве, станет пафос этот доминирующим, обнажая

в Смердове в первую очередь поэта-публициста. Публицист в нем иной раз конфликтовал с художником, но когда поэт отходил от схематизма и прямолинейности, декларативной риторики и готовых клише, в его стихотворениях появлялась художественная зоркость, неожиданные и одновременно зримые образы. Как, например, в написанном в начале 1950-х годов, примерно в одно время и на ту же тему, что и пухначевская «Над широкой Обью», стихотворении «Гость с Волго-Дона»:

Там, где просекой пока еще
Обозначен фронт его работ,
Появился богатырь шагающий,
Плечи упирая в небосвод.

Будто с Обью-матушкой здороваясь,
Возле бердских сосен и берез
Он ручищу сорокаметровую
Над широкой поймой занес.

Огромное значение для поэта Смердова имело и гордое сознание принадлежности к Сибири, необъятному вольному краю, где, вращаясь прочными корнями, он начинает ощущать себя полноценной личностью.

Если б мне сказали: в мире
Местность выбирай, —
Я ответил бы: в Сибири
Мой заветный край

В Сибирь Смердов попадает десятилетним мальчиком, но родиной поэтической она становится для него значительно позже. И даже не с появлением первых стихов. А скорее со знакомства с Горной Шорией.

Впервые попадает он сюда в качестве собирателя фольклора, записывает и поэтически обрабатывает шорские легенды и сказки. Но живая действительность оказывается не менее интересной, и Смердов вновь и вновь в продолжение пятнадцати лет приезжает сюда, знакомится с бытом, традициями, обычаями шорцев, их занятиями, слушает сказания народных певцов.

Сибирские писатели всегда охотно обращались к творчеству и культуре малых народностей Сибири, и Смердов продолжил эту традицию, удачно найдя здесь свою «нишу». Именно Смердову принадлежит литературное открытие Горной Шории. Шорских впечатлений хватило поэту на много лет работы. Знакомя читателей с этой удивительной страной, Смердов одновременно заново открывал и себя как поэта, обретая по-настоящему самобытный поэтический голос.

В 1939 году в «Сибирских огнях» был опубликован «шорский» цикл Смердова. Мощь и красота первобытной природы сливаются в нем с могучим потоком преобразовательских процессов первых пятилеток. Но настойчиво пробивается и тема человека, который, открывая новые месторождения, строя города, прокладывая дороги, думает о любви, счастье...

Далекая, если б я мог,
И запахи ночи широкой,
И сладкий кедровый дымок,
И струи певучие Мрасса,
И гул каратагской пурги,
И тысячи звуков и красок
Исхоженной мною тайги,
И синий таинственный камень,

И все, что найти сумел, —
Я все бы тебе на память
В походной принес суме...

В своих путешествиях по югу Кузбасса Смердов приходит к выводу, что люди этого края оказались не менее яркими и поэтичными, нежели его природа и фольклор, и что ему надо непременно рассказать о них. Так появляется очерковая книга «В стране Темира», изданная в 1943 году и ставшая основой широко известной впоследствии документальной повести «Камень на ладони». Книга повествует о шахтерах и сталеварах Кузбасса, о шорских рыбаках и охотниках и о том, как отразилось большое строительство в предгорьях Кузнецкого Алатау на судьбе шорского народа.

С романтической приподнятостью передает Смердов величественные картины края. Но нисколько не теряется рядом с ними гигант индустрии, детище Первой пятилетки, Кузнецкий металлургический комбинат: «Завод был похож на огромный корабль, который дымил всеми своими трубами, сверкая гирляндами огней, плыл сквозь рассвет среди синих взгорий навстречу нашему поезду...».

В книге «В стране Темира» Смердов впервые знакомит нас с ныбакчи (шорский сказитель — *А.Г.*) Напазниковым по прозвищу Морошка. Встреча с ним для писателя стала знаменательной. От него он впервые услышал шорские сказки и легенды, узнал о подвигах Ай-Толая, через него прикоснулся к народному творчеству шорцев.

Фольклором народов Сибири Смердов начал интересоваться еще до знакомства с Шорией. Он перевел до этого алтайскую легенду «Башпарак» и алтайский эпос «Алтай-Бучай». Однако по-настоящему переводческий талант Смердова раскрывается в переводе шорского эпоса «Ай-Толай» (впервые опубликован в «Сибирских огнях» в 1940 году).

«Ай-Толай» (Полная Луна) — имя народного героя, борца против ханского насилия, благородного гуманного богатыря. Эпос отражает вековые мечты шорцев о свободе. Но Смердов не просто собрал и перевел народные сказания; он создал художественно законченную стройную поэму. И передал в то же время поэтические особенности и национальное своеобразие сказания. Фольклорные гиперболы в поэме органично сочетаются с реальными деталями, а точно переданные бытовые и этнографические подробности жизни древних шорцев удачно соседствуют с поэтическими обобщениями и образами чисто мифологического склада. Переводит Смердов также шорские сказки и легенды.

В большую серьезную работу литературного освоения Горной Шории вмешалась Великая Отечественная война. С первых ее дней Смердов становится военным журналистом, сотрудником газеты СибВО «Красноармейская звезда». Зимой 1943 года в составе 22-й гвардейской сибирской добровольческой дивизии Смердов отбывает на 2-й Прибалтийский фронт. Здесь он служит во фронтовых дивизионной и армейской газетах. И пишет не только журналистские материалы, но и поэтические «письма с передовой», где глубоко личные, вроде бы, переживания становятся источником душевной силы и оптимизма для читателей на фронте и в тылу:

Военная лирика Смердова в традициях советской поэзии тех лет являлась сплавом гражданских, патриотических, интимных и других мотивов. Но с особой силой во фронтовых стихах Смердова начинает звучать любовь к Сибири, к многонациональному краю, все народы которого бьются с общим врагом. Поэт гордится мужеством и стойкостью сибиряков, одно упоминание о которых «леденит врага». Создает он и обобщенный образ такого бойца-сибиряка, своего рода сибирского Теркина с говорящим за себя именем Тарас Клинков. В его существование многие солдаты на передовой искренне верили, писали ему письма со словами благодарности, просьбами, пожеланиями, обращались за советами.

Вершиной фронтовой лирики Смердова (да, пожалуй, и всего поэтического творчества) по праву стала вошедшая в золотой фонд советской литературы о Великой Отечественной войне поэма «Пушкинские Горы», впервые увидевшая свет в 1946 году.

Толчком к ее созданию послужил подвиг земляка и друга Смердова, молодого новосибирского поэта Бориса Богаткова, который в бою за Гнездиловские высоты патриотической песней собственного сочинения поднял под шквальным огнем взвод в атаку. Но это лишь отправная точка, а посвящена поэма, как это следует из высказывания об ее замысле самого автора, «Пушкину, войне, русской солдатской отваге и беззаветности во имя жизни и любви». Естественно, что и содержанием произведения является война со всеми ее батальными и бытовыми подробностями. Смердову удалось прекрасно передать и грандиозность событий, и их трагизм, и красоту подвига. Страстным, напряженным лиризмом дышит каждая строка поэмы:

Который день... Нет, мы не дни считали, —
В дыму кремешном, в тяжком лязге стали
Который день мы шли вперед
И только верстам знали точный счет.
Мы шли вослед грозе артиллерийской,
То отдаленной, то паляще близкой, —
Она и днем и ночью бушевала,
Катясь на запад многоверстным валом...
Вослед за танками — по опаленным травам,
В лесных завалах, по болотам ржавым,
Сквозь чад и жар горящих деревень —
Мы шли вперед, вперед который день...

Этот размеренный, несколько монотонный торжественный ритм как нельзя лучше соответствует неумолчному гулу военной техники, необратимому движению наступающих воинских колонн.

И вот Михайловское, Пушкинские Горы, святые для каждого русского человека места. Сейчас они изрыты немецкими окопами, окружены дотами. Но решение у комбата одно — «русский ни один снаряд на Пушкинские Горы не падет». И зловещим контрастом звучит сообщение о том, что фашисты готовятся взорвать могилу Пушкина. Резкое это противопоставление и становится двигателем художественного развития поэмы. В непримиримом столкновении двух враждебных миров русские солдаты борются не только за свободу и независимость своего народа, но и за сохранение духовных идеалов. А для русского человека Пушкин — не просто поэт, он — душа нации. Вот почему с такой отвагой и самоотверженностью рвется в бой за Пушкинские Горы главный герой поэмы Сергей Снежков.

Образ этот вобрал в себя лучшие черты молодежи сороковых годов прошлого столетия. Но он во многом созвучен и личному авторскому мироощущению. Снежков — тоже поэт, а потому Пушкин в тяжелом наступлении становится для него сокровенным другом и «боевым товарищем». Томик Пушкина у бойца всегда при себе. Узнав о готовящемся надругательстве над святым местом, Снежков спешит пресечь его. Выполняя свой солдатский долг, Снежков погибает, но порывом своим увлекает бойцов в атаку. Фашисты смяты, пушкинская могила спасена. Серезу Снежкова хоронят рядом с ней.

А наступление продолжается. И в этом походе к победе, к миру, к будущей жизни без войны как равный среди равных принимает участие Пушкин — «В сердцах солдат, горячих и простых, //Звенит, поёт поэта грозный стих...».

«Пушкинские Горы» — поэма не только о днях минувших. Она вся устремлена в будущее, на «дорогу завтрашних атак». И в этом ее особенная притягательная сила, важнейшее духовное и эстетическое значение.

Символичен финал поэмы. Всегда, в любую эпоху, подчеркивает автор, источником вдохновения и руководством к действию на всеобщее благо будут бессмертные пушкинские строки: «Мой друг, Отчизне посвятим // Души прекрасные порывы!..»

Этому завету великого поэта неукоснительно следовал в жизни своей и сам Смердов.

В послевоенные десятилетия творческая активность Смердова не иссякала. Но он не замкнулся, как некоторые собратья по перу, в военной тематике. Круг его творческих интересов постоянно расширялся. Как и жанровый диапазон. В 1950 — 1960-е годы Смердов продолжал работу собирателя, переводчика сибирского национального фольклора. С журналистским блокнотом он объездил всю Сибирь. Результатом стали его многочисленные путевые заметки и очерки о происходящих в Сибири переменах, публицистические материалы с размышлениями об экономических и социальных проблемах края, статьи о многонациональной сибирской культуре и литературе. Писал он о металлургах и гидростроителях, хлеборобах и воинах, собратьях по перу и других представителях творческой интеллигенции... И, конечно же, — новые стихи и поэмы, воспевающие родной край, а также глубоко лирические стихотворения (в их числе цикл «Из переписки с близкими»), пронизанные стремлением «остановиться, оглянуться», осмыслить прожитое. Все это отражено в многочисленных книгах Смердова, изданных в Москве, Новосибирске, Иркутске, и ставших своеобразной летописью Сибири пятидесятих-семидесятих годов двадцатого столетия.

Как художник и гражданин, посвятивший себя Сибири, Смердов много думал о сути сибирской темы в литературе и культуре страны, о ее исторической преемственности и эволюции. Часть этих умозаключений и выводов обнародована им в программной статье «Рождение Сибирианы», в которой, рассматривая проблему с близких себе — поэтических — позиций, принципы современной «Сибирианы» формулирует он следующим образом:

«И мы знаем в нашей русской поэзии замечательные примеры такой проникновенной и безраздельной жизненной и творческой привязанности поэта к его родному краю, к «жанру и пейзажу» его места рождения, «лучших его чувств и воспоминаний», ставших силою таланта поэтическим образом Родины (одним из достойнейших примеров здесь может служить и сам Смердов — *А.Г.*)... Наричательное же прилагательное «сибирский» и поныне употребляется едва ли не чаще, чем какое-либо другое... И надо сказать, что в этом нарицании совсем не содержится какого-либо занижения творческой значимости, индивидуальности поэта, нет былого деления писателей на «столичных» и «периферийных». Скорее наоборот, звучит в нем, я бы сказал, некое даже уважительное признание, как и в самих понятиях «Сибирь» и «сибиряк».

При этом Смердов решительно отмежевывался от любителей «сибирского колорита» в его примитивном понимании, страстей, замешанных на псевдосибирской романтике и экзотике, от еще бытовавшего представления о Сибири, как о крае нетронутой глухомани. Современная Сибирь — подчеркивал Смердов — край передового технического и научного прогресса, сильных талантливых, энергичных и целеустремленных людей. И правдивое изображение современной Сибири Александр Иванович считал делом общенародной, общегосударственной важности.

«Она, Сибириана, — писал Смердов, — кажется мне одним из тех больших, коллективных, эпических и лирических творений, каких ждет от своих поэтов народ сегодня... Сибириана представляется мне вдохновенным делом и плодом всех творческих сил и дарований нашей большой, многоликой, и многоцветной советской поэзии».

Как бы продолжая и дополняя «Рождение Сибирианы», в 1972 году к 50-летию «Сибирских огней» Смердов публикует статью — «Огни Сибири — былой, сегодняшней, завтрашней», где проводит еще одну принципиально важную мысль о том, что «нельзя теперь писать ни о вчерашнем, ни о сегодняшнем дне Сибири, не заглядывая в ее Завтра, не связывая его с великим будущим всей страны».

Впрочем, теоретический сей постулат в творческой практике самого Смердова давно уже до этого находил широкое и плодотворное применение. Историческая объемность, протяженность из прошлого в будущее — одна из важнейших особенностей литературной работы Смердова в различных ее жанровых видах — будь то героический эпос «Ай-

Толай», «Пушкинские горы» или поэма конца семидесятых годов «Сказание о жилмассивах», посвященная будням современников.

Смердов был не только многогранным писателем, переводчиком, но и крупным культурным и общественным деятелем. В послевоенные годы (1945 — 1956) он был ответственным секретарем Новосибирского отделения Союза писателей СССР. Несколько лет (1957 — 1959) работал собственным корреспондентом «Литературной газеты» в Китае. Избирался делегатом нескольких всесоюзных и всероссийских писательских съездов, членом и секретарем правлений Союзов писателей СССР и РСФСР, депутатом местных Советов, членом Новосибирского обкома КПСС...

Но особо следует вспомнить о редакторской деятельности Смердова. В середине 1960-х Александр Иванович стал главным редактором журнала «Сибирские огни» — можно сказать, родного печатного органа, где впервые увидели свет большинство его произведений. Возглавлял он это издание более десятка лет — с 1964 по 1975 год. И не просто возглавлял.

Без преувеличения, это был один из самых ярких периодов в жизни флагмана литературной периодики Сибири. Именно тогда здесь «становились на крыло» такие в будущем знаменитые писатели, как Виктор Астафьев с повестью «Кража», Валентин Распутин с повестью «Деньги для Марии», Василий Шукшин, опубликовавший в «Сибирских огнях» три большие подборки рассказов и романы «Любавины» и «Я пришел дать вам волю (Степан Разин)». У Смердова в журнале выросла целая плеяда и других интересных и талантливых литераторов. Но далеко не всегда публикации их произведений проходили гладко. Времена, надо не забывать, были идеологически суровые, цензурные. Нередко, чтобы спасти талантливое произведение, требовалось проявлять немалое искусство преодоления всяческих запретительных рифов и барьеров. Мягкий, деликатный, интеллигентный Александр Иванович умел быть и дипломатичным, и убедительным, но и жестким до непреклонности — тоже. В результате же, при нем на страницах журнала публиковалось действительно все самое лучшее и талантливое, что рождала тогда литературная Сибирь. Журнал пользовался огромным авторитетом как среди читателей, так и среди писателей, и был, несомненно, лучшим провинциальным периодическим литературно-художественным изданием, в котором за честь почитали «засветиться» и очень многие столичные авторы. Не случайно «Сибирские огни» на рубеже 1970 — 1980-х годов являлись таким же символом Новосибирска, как и его знаменитые оперный театр или вокзал.

А вот сам Александр Иванович был чужд показной величественности и значительности, бьющей в глаза амбициозности. При своем сугубо пролетарском происхождении оставался он истинным интеллигентом.

О его скромности говорить можно много, но я хочу рассказать об одном весьма красноречивом, на мой взгляд, эпизоде.

Помню, накануне его 70-летия мне, молодому в те поры критику, заказали в «Сибирских огнях» статью о Смердове. Я с энтузиазмом взялся, не пожалел красок, превосходных степеней и словесной позолоты. Когда статья была готова и даже набрана, в редакцию заглянул ушедший к тому времени на пенсию Смердов. Он попросил гранки моей статьи и пропал на неделю. Сроки поджимали, я нервничал. А когда Смердов, наконец, вернул статью, я не узнал ее: в ней не осталось живого места — тут вычеркнуто, там что-то исправлено, вписано... Александр Иванович фактически переписал все заново. Я чуть не заплакал от такого, как мне казалось варварства. Когда же, остыв, внимательно ознакомился с его правкой, устыдился. Смердов соскреб с моего опуса всю сусальную позолоту, велеречивость, беспощадно ликвидировал разные мои сопли-вопли и придыхания и оставил только суть — несколько суховатую после столь кардинальной чистки, зато вполне соответствующую искомому предмету. В общем, преподал мне Александр Иванович сразу несколько уроков: и редакторский, просто блестяще меня выправив, и авторский, наглядно показав, как я должен был написать, но, главное, —

человеческий. Пожалуй, только после этого случая я стал по-настоящему осознавать, что показатель истинной величины художника — отнюдь не его амбициозность...

11 апреля 1986 года Александра Ивановича Смердова — поэта, прозаика, публициста, переводчика, журналиста, редактора, общественного деятеля — не стало.

На фасаде дома по улице Крылова в Новосибирске, немного правее входа на станцию метро «Красный проспект», висит мемориальная доска. На мраморе скупая надпись: «Здесь жил поэт Александр Смердов». И больше ничего. Но ничего больше и не надо. Остальное — в подтексте этой насыщенной и славной судьбы, без которой литературную и культурную жизнь Сибири уже трудно представить.